

Polylogos. 2013-2022

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 1 Volume 5. 2021

"The new Russian civilization will be the civilization of Pushkin" (on the question of "civilizational choice")

Alexey Kara-Murza

Institute of Philosophy of RAS

Russian Federation, Moscow, 109240, 12/1 Goncharnaya Str.

Veronika Sharova

Institute of Philosophy RAS

Russian Federation, Moscow, 109240, 12/1 Goncharnaya Str.

Abstract

The article analyzes the problem of "civilizational choice" in relation to Russian history and socio-political aspects of modernity. In the format of a philosophical dialogue, the authors turn to the themes of a search for civilizational path and alternative civilizational possibilities; the relationship between the determinants of history and human free will within the historical process. In the context of the idea of "civilizational choice", the article analyzes a number of aspects of the discussion about the reforms of Peter the Great. In particular, it is argued that the era of the reforms was the "otherness" of the Orthodox civilization and demonstrated the triggering of the mechanisms of civilizational succession. The dichotomy of "east-west" attraction in relation to Russian civilization is criticized from the standpoint of an apology for "Russian northerness": the once popular concept of Russian identity, which is also productive in the context of modernity. The authors come to the conclusion that at the current stage of the historical development of Russian society, the Russian language may be the most effective connecting link - in this sense, the result of the revival of Russian civilization will be the "civilization of Pushkin".

Keywords list (en): philosophy of history, Russia, Russian civilization, civilizational choice, Russian language, "Russian northerness", Alexander Pushkin

Date of publication: 12.03.2021

Citation link:

Kara-Murza A., Sharova V. "The new Russian civilization will be the civilization of Pushkin" (on the question of "civilizational choice") // Polylogos. – 2021. – V. 5. – № 1.

URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110014153-0-1/> DOI:

10.18254/S258770110014153-0

1 **В.Ш.:** В последние годы много говорят о том, что современная Россия продолжает пребывать в ситуации «цивилизационного выбора». С одной стороны, есть ощущение, что дискуссия эта не нова. Ее признаки мы можем обнаружить в русской философии и общественно-политической мысли прошлого, в том числе и времен уже достаточно отдаленных. Вероятно, отсчет можно вести с 1830-х гг., с момента, когда вопросы: «Разве нельзя быть цивилизованным не по европейскому образцу?» и «Что мы делали о ту пору, когда в борьбе энергичного варварства северных народов с высокою мыслью христианства складывалась хранина современной цивилизации?» задал в своих «Философических письмах» П.Я.Чаадаев¹. Н.А.Бердяев размышлял о превратностях российской истории, пессимистически отмечая, что русский народ «развивался... катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизаций»². Можно было бы здесь вспомнить и идеи, высказанные представителями евразийства – идеи, столь некритично перетолкованные уже в современную эпоху, в позднесоветское и постсоветское время, так называемыми «неоевразийцами». Вообще, представляется, что полемика о цивилизационных истоках нынешней России вышла далеко за пределы кабинетов исследователей и распространилась на уровень не только политического языка, но даже и повседневной речи. В целом, согласны ли Вы с этим? Как Вы полагаете, почему сложилась такая ситуация? Насколько она характерна для наших дней, или нечто подобное бывало и прежде?

2 **А.К.:** Для долгой истории цивилизации в России, динамику которой я определяю, как «преемственность через катастрофы»³, выбор цивилизационного пути – это ситуация, которая имела место не единожды, и всегда она была болезненна и даже травматична для современников. Ибо «выбор цивилизации» – это ведь одновременно и обрубание, иногда очень жесткое, порой беспощадное, альтернативных цивилизационных возможностей, о чем мы много писали.⁴

3 Хорошо известно, например, что киевская княгиня Ольга – бабушка «крестителя Руси» князя Владимира, была обращена в греческую веру в самом Константинополе. Но, имевшая, как русская правительница (регентша при малолетнем сыне), сложные отношения с Византией, которая пыталась сдерживать амбициозного северного соседа, Ольга одно время всерьез разыгрывала и «латинскую карту», и даже обращалась к германскому королю Оттону – наиболее сильному на тот момент монарху-латинянину – с просьбой прислать на Русь «западного» епископа. Ответное посольство из Германии в Киев успеха не имело, так как ему воспротивился повзрослевший сын Ольги, князь Святослав Игоревич, и его варяжская дружина, упорствовавшие в своем язычестве. Позднее Святослав, не без успеха ввязавшийся в конфликт Византии и уже обращенной в греческую веру Болгарией, едва не перенес столицу русского государства в Преславец на Дунае. И лишь набег печенегов на Киев, инспирированный той же Византией, заставил его вернуться на берега Днепра, где он в итоге и погиб.

4 Его старший сын, Ярополк Святославович, испытывал большие симпатии к христианству – причем, как говорят документы, в первую очередь, к христианству латинского образца: обменивался посольствами с тем же Оттоном Великим (ставшим главой Священной римской империи) и с выбранным по протекции императора римским папой Бенедиктом VI. Поэтому, после убийства брата, новому князю, Владимиру Святославичу, пришлось прибегнуть к языческому контрперевороту; в ранних владимировых антихристианских гонениях погибли первые мученики православной Руси – Фёдор и его сын Иоанн, варяги, принявшие греческую веру. Их мужественное принятие смерти произвело большое впечатление на язычника Владимира: уверен, что именно это, а не позднее шутейное «*туди есть веселие Руси*» сыграло решающую роль в его итоговом выборе «истинной веры».

5 Не забудем и тот факт, что поначалу, придя к власти, князь Владимир попытался было интегрировать языческие культы подвластных ему народов: воздвиг на холме в центре Киева капище с идолами шести главных богов славянского пантеона – Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши. Русь, наверное, могла оставаться в течение еще какого-то времени языческим государством с прежними богами, но в истории подмечена

одна закономерность: европейские общности, не сделавшие принципиальный «цивилизационный выбор» в X-XI вв., не сумели, как правило, удержать потом и своей государственности.

6 И вот теперь, наконец, вспомним, следуя историческим летописям (прежде всего, Ипатьевскому списку), решающий цивилизационный выбор в 988 г. князем Владимиром православного пути для Руси. При всей полуполюгендарности этой истории (так всегда бывает в древних текстах, что, однако, не дает оснований отвергать их в принципе), перед русским князем, недавним гонителем христианства, были разные варианты: и *мусульманский*, представленный тогда посланцами Волжской Булгарии, и *иудаистский*, отстаиваемый представителями Хазарского каганата. Но выбор, как известно, был сделан в пользу греческого православия, центр которого со временем сместился на север, в русские земли, особенно после разгрома мусульманами Византии. Арнольд Тойнби, Николай Бердяев, Александр Панарин точно определили Византию и Русь, как *материнскую* и *дочернюю* православные цивилизации.

7 **В.Ш.:** Говоря о цивилизации вообще, мы – практически неизбежно – в какой-то момент обращаемся к понятию прогресса и вынуждены каким-то образом концептуализировать его, занять в отношении этой категории некую позицию. Одно дело – солидаризироваться с марксистским видением относительно роли прогресса в истории, не редуцируя смысл прогресса только лишь к его экономической составляющей, но рассматривая его шире – как обладающий внутренней логикой и универсальный для человечества процесс преодоления отчуждения. Другое – обратиться, например, к ницшеанству, противопоставляющему оптимистическому прогрессизму европейского Просвещения идею «вечного возвращения»... Не случайно и русские мыслители эпохи конца XIX – начала XX в., разделяя беспокойство по поводу кризиса картезианско-кантианской модели европейской культуры, не раз обращались к концепции Ницше: с критических позиций, как Вл. Соловьев, или же с позиции надежды на радикальное обновление не только и не столько общества, сколько самого человека, – такой взгляд более свойственен был, например, Дмитрию Мережковскому, Андрею Белому – писателям и мыслителям неоидеалистического толка. Вышесказанное можно было бы резюмировать в виде вопроса: насколько однажды сделанный «цивилизационный выбор» является обратимым?

8 **А.К.:** Цивилизационный выбор, как и всякий иной, сделанный людьми с их свободной волей, не может быть необратимым. Время и исторические обстоятельства проверяют раз сделанный выбор на адекватность и прочность. В середине XII в. произошел распад Киевской Руси – первичного государственного вместилища русской православной цивилизации. Случилась геополитическая катастрофа, но именно геополитическая, а не цивилизационная: русский православный мир сохранился, хотя и распался на ряд обособленных фрагментов.

9 Монгольское иго подчинило, а в чем-то и парализовало русскую государственную жизнь, превратив Русь в улус Золотой Орды. Но монголы не ставили целью уничтожить православную цивилизацию как таковую. Наша Церковь потому так чтит фигуру св. Александра Невского, что этот князь готов был пожертвовать даже политическим суверенитетом, всякий раз с риском для жизни отправляясь в Орду за ярлыком на княжение, но превыше всего чтит незыблемость православной веры, которой всерьез угрожали миссионерские планы католического Ливонского ордена, пошедшего крестовым походом на Православную Русь. В логике Александра, угроза с тоже христианского (но, «по-иному») Запада виделась гораздо более фундаментальной, нежели ордынское давление с Востока.

10 Много написано о значении для нашей истории Куликовской битвы 1380 г., но это опять-таки – больше о политическом суверенитете, чем о цивилизации. А вот что касается цивилизационного вектора, то серьезнейшим испытанием для его удержания стал 1441 г., когда московский князь Василий II отверг Флорентийскую унию, привезенную из Италии подписавшим ее митрополитом Исидором, греком по национальности, назначенного в Италии легатом римского папы Евгения IV «для провинций Литвы, Ливонии, Всея Руси и Польши». Я об этом подробно писал в новом издании своей книги «Знаменитые русские о

Флоренции».⁵

11 Исключительность того события усугубилась тем, что митрополит-кардинал Исидор успел, по прибытии в Москву, отслужить в Успенском соборе молебен в присутствии великого князя за здоровье папы римского, как нового первосвященника, и лишь через три дня был схвачен и заключен в Чудов монастырь. Отвержение латино-греческой унии Василием II – это еще один наш «цивилизационный выбор».

12 Несколько позднее, в 1448 г., Русь избрала своего автокефального православного митрополита Иону Московского. И это, заметим, было еще до окончательного освобождения от монголов, что еще раз подтверждает: цивилизационный пласт лежит много глубже государственного суверенитета. Многострадальная история иудеев, в их «рассеянии», наилучшим образом подтверждает это фундаментальное обстоятельство.

13 Можно констатировать, что в целостном виде православная цивилизация на Руси сложилась в московское княжение Ивана III Великого. Держава Ивана, ставшая мощной защитной оболочкой для ценностного ядра православной цивилизации, одновременно обороняла это ядро и с запада – от воинствующего латинства, и с востока – от столь же воинствующего ислама. Ключевой вехой здесь является 1480-й год, т. наз. «стояние на Угре», когда Руси удалось отстоять православную Московию не только от прямой угрозы со стороны мусульманского хана Большой Орды Ахмата, но и от перспективы нападения Казимира IV, католического великого князя литовского и короля польского.

14 Но ведь спустя почти столетие, в 1571–1572 гг., при, казалось бы, могущественном «царе-игумене» Иване IV Грозном, опасность краха православной цивилизации на Руси снова стала вполне реальной. Тогда Московское царство едва не пало под натиском оправившегося от потерь Казани и Астрахани консолидированного исламского мира – объединенного фронта крымского и ногайского ханов и набравшей силу Османской Турции. Иван IV бежал тогда из Москвы и лишь военная удача, граничащая с чудом, воевод Воротынского и Хворостинина спасли государство (а по сути и цивилизацию) от неминуемого, казалось, краха.

15 Государственной оболочкой, в которой развивался православный мир, было Московское царство, а затем Российская империя. Имперский характер тогдашней российской государственности подразумевал, что на периферии православного ядра существуют ареалы, тяготеющие к иным, пограничным цивилизациям: это касалось католической Польши, протестантских Прибалтики и Финляндии, мусульманских Центральной Азии и части Кавказа и т.д. Важно, однако, подчеркнуть, что удержание этой периферии в орбите Российской империи осуществлялось *государственными* (силовыми, административными, культурными) механизмами, но никак не «цивилизационным синтезом», ибо синтезировать, к примеру, православие и ислам, совершенно невозможно. Вот и будущая российская цивилизация – будет, конечно, не синтезом цивилизаций, а чем-то принципиально иным.

16 **В.Ш.:** Говоря о России – и государстве, и культуре, и цивилизации – невозможно обойти вниманием такой сюжет, как реформы Петра I и их последствия. Не будет большим преувеличением сказать, что мало какая эпоха в отечественной истории до сих пор вызывает такое количество споров, рождает оценки прямо противоположные. Кстати, эту сложность осмысления петровских реформ в свое время очень точно и тонко охарактеризовал теоретик культуры Владимир Вейдле, полагавший, что «петровская реформа неверно оценивается славянофильской традицией как беспримерный в истории, извне навязанный народу культурный перелом, но и западническая традиция тоже неправа, когда видит в ней всего лишь осуществление чего-то давно подготавливавшегося и вполне необходимого...»⁶ Вейдле видел в Петре ни много ни мало революционера, фактически первого зачинателя русской революции как концепта и особого, ни к чему более несводимого типа исторической логики⁷. А революция эта имела прогрессистский характер, что мыслитель формулирует следующим образом: «Петр был первым технократом новых времен, первообразом того, что один историк (Тойнби) предложил назвать Homo Occidentalis Mechanicus Neobarbarus»⁸. Не правда

ли, символично здесь это упоминание Тойнби, одного из основоположников цивилиционистского подхода? Вейдле далек от мысли, что петровские реформы были лишь актом властного волюнтаризма, частным экспериментом, пусть и невероятного масштаба; Петр «на Западе... не видел ничего, кроме еще неясных очертаний будущей Америки, но, толкнув Россию к Западу, он все же исполнил ее судьбу и сделал то, что как раз и требовалось сделать. В конечном счете мы обязаны Петру и всем тем великим, что было создано петербургской Россией, и той катастрофой, что положила ей конец». Так все-таки – с чем мы имеем тут дело? С революцией, выламывающейся из всего предшествующего исторического континуума, или с собственно реформами, предполагающими и собственное прошлое, и будущее? Иными словами, петровский период в истории России – это продолжение «православной цивилизации» или ее отрицание?

17 **А.К.:** Да, я считаю эпоху Петра Великого полноправным «инобытием» православной цивилизации, в том числе и на основании собственных исследований.⁹ Я склонен утверждать, что, при всех отличиях Петербургской России от до-петровской (Московской) Руси, при переходе от одной эпохи к другой сработали мощные механизмы *цивилизационной преемственности*. При всех импровизациях Петра типа пародийного «Всешутейшего Собора», доминирование православия в духовной сфере в императорской России полностью сохранилось, даже с учетом волевого перевода православия, как института, из Патриаршего режима функционирования – в Синодальный.

18 Думаю, что при Петре сакрализация верховной власти в России даже усилилась: чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть проповеди Феофана Прокоповича или Стефана Яворского. Государственную идеологию подпирала и апологетическая литература. «Он бог, он бог твой был, Россия!», – писал о Петре Ломоносов. А в Оде на восшествие на престол Елизаветы Петровны тот же автор уподоблял рождение великого отца новой императрицы не иначе, как Рождеству Христову. То же самое делал Сумароков: «Российский Вифлеем, Коломенско село, которое на свет Петра произвело...» и т.д.

19 **В.Ш.:** Цивилизационный подход изначально предполагал во многом органицистские мотивы: главный, пожалуй, «ответственный за цивилизацию» в русской общественно-политической мысли, Николай Данилевский рассуждает об этом не метафорически, а почти буквально: «...есть еще способ воздействия цивилизации на цивилизацию. Это тот способ, которым Египет и Финикия действовали на Грецию, Греция – на Рим (поскольку это последнее действие было полезно и плодотворно), Рим и Греция – на германо-романскую Европу. Это есть действие, которое мы уподобим влиянию почвенного удобрения на растительный организм, или, что то же самое, влиянию улучшенного питания на организм животный...».¹⁰ Мне, правда, ближе логика не природной, а культурной экспансии, которую в своих работах обосновывал Петр Бернгардович Струве, полагавший, что «идеалом, к которому должна стремиться русская национальность... может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в США и Британской империи»¹¹. По Струве, «на всем пространстве Российской империи, кроме Финляндии и Польши, приобщение к русской культуре означало бы подъем на более высокую ступень». Тем не менее, и тут речь идет о динамике политических пространств, исторических периодов. Если рассуждать в этом духе, то можно прийти к выводу, что цивилизации не только растут и развиваются, но и в какой-то момент дряхлеют и умирают. Если так, то в силу каких причин это происходит?

20 **А.К.:** Если мы согласимся, что стержнем любой цивилизации является специфически настроенная «сакральная вертикаль», то причины болезни и последующей гибели цивилизации следует искать, в первую очередь, в духовной сфере. Известен апокриф о Екатерине Великой, которая после прочтения «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, сказала секретарю: «Это бунтовщик похуже Пугачева...» И, с точки зрения предлагаемого мной цивилизационного метода, это – абсолютная правда. Ведь Емельян Пугачев выступал в образе чудом выжившего законного императора Петра III и обещал подданным сурово покарать узурпировавшую Богом данную ему власть неверную супругу-немку. Пугачев был полностью вписан в цивилизационную модель православной теократии.

21 Другое дело Радищев: в своем «Путешествии» он публично признался, что потерял веру в сакральную сущность русской власти, т.е. оспорил фундаментальный принцип православной государственности. «Душа Радищева ушла из тела православной Империи», – написал об этом русский интеллигент-эмигрант И.И. Бунаков-Фондаминский.¹² На страницах парижских журналов «Современные записки», а затем «Новый град», в многочисленных эмигрантских докладах он многократно писал о начавшемся с Радищева «массовом исходе душ» из русской православной теократии. Это в итоге и привело к почти бескровному свержению монархии, в сакральный характер которой уже никто не верил, включая многих членов императорской фамилии, нацепивших в дни Февральской революции красные банты.

22 Ну а одним из последних великих русских, чья «душа» ушла из тела Империи был, конечно, Лев Толстой. Отлучить Толстого от Церкви Священный Синод предлагал еще во времена Александра III, но у того царя хватило цивилизационного чутья не добавлять к литературной славе Толстого еще и мученического венца. При следующем императоре, Николае II, инициатором новой, на этот раз «успешной» попытки осудить Толстого (это зима 1901 г.) стал петербургский митрополит Антоний (Вадковский). В одном из частных писем к оппоненту, предостерегающего его от опасного шага, митр. Антоний писал: «Я с вами не согласен, что синодальный акт о Толстом может *послужить к разрушению Церкви* (выделено мной. – А.К.). Я, напротив, думаю, что он послужит к укреплению её... С толстовцами завязалась у нас подпольная полемика. Они бьют нас сатирами и баснями, и у нас нашлись тоже свои сатирики, хотя и не совсем удачные... Война создаст или вызовет таланты... Победа будет всё же на стороне Церкви».¹³ Как скоро выяснилось, оппонент инициативного митрополита был прав в своих опасениях: синодальный акт о Толстом послужил-таки разрушению Церкви. И вообще, будущий новый сакральный вождь – Ленин – знал о чем говорил, когда называл Толстого «зеркалом русской революции»...

23 Феномен Распутина, юродствующего старца, фатально для теократического государства сблизившегося с семьей «Помазанника Божиего», лишь довершил трагедию православной цивилизации. Как полагается – фарсом...

24 **В.Ш.:** Судя по Вашей концепции, большевики тоже несли в себе мощную квази-религиозную энергетику? Сразу на ум приходит картина, описанная в «Московском дневнике» Вальтером Бенямином, посетившим, помимо прочего, советский интернат: «Мне устроили экскурсию по интернату. Очень интересны классные комнаты со стенами, порой сплошь покрытыми рисунками и картонными фигурами. Что-то вроде храмовой стены, на которой выставлены работы детей как подношения коллективу. Красный цвет преобладает на этих поверхностях. Они испещрены советскими звездами и портретами Ленина»¹⁴. Да и Раймон Арон в свое время пришел к выводу, что коммунизм – это светская, да, но всё же – религия...

25 **А.К.:** Да, и это достаточно старая историософская констатация в нашей литературе. Я очень ценю, например, ту интеллектуальную работу, которую проделал Николай Бердяев в своей послефевральской (1917 г.) публицистике. Еще за несколько месяцев до большевистского переворота Бердяев писал, например, в газете «Русская свобода»: «Я решаюсь сказать, что русский большевизм – явление религиозного порядка, в нем действуют некие последние религиозные энергии... Лжерелигия – тоже ведь явление религиозного порядка, в этом есть своя абсолютность».¹⁵ А вот, тоже бердяевское, спустя пару недель, в той же газете: «Мужицкое царство раньше всего ждало от царя, а теперь всего готово ждать от фиктивного существа, именуемого социализмом».¹⁶

26 Пройдет двадцать лет, в «Истоках и смысле русского коммунизма», Бердяев подтвердит свой тезис о том, что большевики, по сути, выступили наследниками тоталитарной идеократии Ивана Грозного: «Иоанн Грозный... создал концепцию православного царства, при которой царь должен заботиться о спасении душ своих подданных... Коммунистическая власть тоже заботится о спасении душ своих подданных, она хочет воспитать их в единоспасающей истине, она знает истину, истину диалектического

материализма».¹⁷

27 То, что большевики успешно использовали глубинные теократические традиции русского самосознания, вынужден был признать в эмиграции лидер побежденных ими эсеров Виктор Чернов: «Ленин своей фигурой дал пролетариату воскрешенную фигуру “добротного тирана”. Вместо “царя-батюшки” явился “батюшка-Ильич”».¹⁸ Русские теократические ожидания воплотились позднее и в «культе Сталина», о чем много писал в эмиграции Г.П. Федотов: «Сталин сознательно строит свою власть на преемстве от русских царей и атаманов. Царь-Пугачев...»¹⁹

28 *Религиозный смысл русской революции* – это вообще одна из наиболее глубоко разработанных тем в нашей эмиграции, которая сама была рафинированным сколком старой православной цивилизации. С особым блеском писал об этом Федор Степун: «Он (Ленин. – А.К.)... гораздо органичнее вписывается в духовный пейзаж исторической России, чем многие хорошо понимавшие реальные нужды России общественно-политические деятели... В формальной структуре и эмоциональном тембре его сознания было, как это ни странно сказать, нечто определенно религиозное... В душе этого вульгарно материалиста и злостного безбожника жило что-то древнерусское, что не только от Стеньки Разина, но, быть может, и от протопопа Аввакума».²⁰ Вспоминаются строки из Николая Клюева: «Есть в Ленине Керженский дух, игуменский окрик в декретах...»

29 Ну и, разумеется, коллапс коммунистической (советской) цивилизации мог произойти опять, как и в случае с цивилизацией православной, только в результате ее тотальной десакрализации, всестороннего развенчания, массового ухода и нее «человеческих душ». Экономические или геополитические причины краха коммунистической системы, разумеется, тоже сыграли свою роль, но были глубоко вторичными.

30 Первостепенную роль в деле десакрализации коммунизма я отвожу Александру Исаевичу Солженицыну. Своими разоблачением сталинщины, как стержня режима, он полностью скомпрометировал советизм, как систему лживую и опасную, фактически сломав большевистскую «сакральную вертикаль». После прочтения Солженицына, стало невозможным продолжать верить в советский строй. Я хорошо помню, как в брежневские времена, по западным радиоголосам, транслировались главы из «Архипелага ГУЛАГ» в okayмлении песен Булата Окуджавы, тогда еще звучавших как откровение. Думаю, именно солженицынский призыв «жить не по лжи» нащупал и надломил «кощееву иглу» советского режима. Горбачевская «гласность» дала этой тенденции полный простор, обрекая советскую цивилизацию на скорый конец. На рубеже 1990-х гг. мы стали свидетелями не только геополитической, но и цивилизационной катастрофы.

31 **В.Ш.:** Если рассуждать в таком ключе, получается, что возрождение цивилизации в России возможно только за счет формирования новой «сакральной вертикали», фактически – новой интегральной религии? Но ведь государственная идеология запрещена Конституцией.

32 **А.К.:** И, как говорится, слава Богу! Никакое силовое продавливание новых «идеологических скреп» сейчас невозможно. Старые цивилизации рушились в том числе из-за того, что, пытаясь устоять, бездумно форсировали охранительные механизмы и тем самым лишь ускоряли развал конструкции. Вспомним насильственные попытки прямолинейной русификации при двух последних наших императорах – это привело лишь к ускорению распада Империи. Один Победоносцев на посту обер-прокурора Синода сделал для выхолащивания православной теократии больше, чем сотня революционеров-подпольщиков.

33 **В.Ш.:** Возвращаясь к взглядам Н.А.Бердяева на цивилизационные аспекты российской истории: философ полагал, что ее специфику во многом, если не в основном, определило влияние «восточного и западного потоков истории» на российское общество, причем влияние это развивалось в виде конфликта, в форме «столкновения и противоборства»...²¹ Да и спор «западников» и «самобытников» ассоциируется именно с этим вектором противоборства: Россия как государство и, шире, как цивилизация, то ли застрявшая, то ли балансирующая между Востоком и Западом. Есть ощущение, что эта

дихотомия не только не «работает» в условиях современного мира, но и изначально предлагает чрезмерно упрощенный взгляд на сложносоставную картину российской жизни. Едва ли всё многообразие нашей истории и культуры можно разместить на этой шкале «от и до» весьма условных Атлантики до Тихого океана, проигнорировав все другие, не менее значимые координаты. На Ваш взгляд, какие альтернативы в этом отношении можно предложить? Что может интегрировать современную Россию как целостность?

34 **А.К.:** Я давно предлагаю обратить внимание на подзабытую концепцию российской идентичности «Россия как Север», некогда очень влиятельную, а временами и доминировавшую во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. (т.е. в периоды правления Екатерины II, Павла I и Александра I). «Русское северянство» зародилось как полуофициальная доктрина в сочинениях самой императрицы Екатерины Великой и ее ближайшего сотрудника, графа Никиты Ивановича Панина. Классик русского «золотого века», князь П.А. Вяземский, в одной из записок 1861 г., написанной на французском языке, называл годы интеллектуального альянса Екатерины и Панина «самыми русскими» в многовековой истории России: «Общество, хотя и увлекалось блеском, обаянием и, признаемся, зачастую даже уклонениями европейской цивилизации (*les écarts de la civilisation Européenne*. – франц.), носило, однако, в себе живой элемент своей национальности и, сравнительно с тем, чем оно стало впоследствии, – было более русским».²²

35 В дальнейшем, концепция «русского северянства» получила блистательные литературные воплощения в «Истории государства Российского» историка Николая Карамзина, в героических одах поэта Гавриила Державина, а затем в поэтическом творчестве молодой литературной плеяды – Петра Вяземского, Антона Дельвига, Александра Пушкина.

36 Мотивы «русского северянства» отчетливо слышны в русской литературе второй половины XIX – первой половины XX вв. К примеру, у Ивана Тургенева (которого за могучий рост и великий талант на Западе называли «северным гигантом»), а также в поэзии «Серебряного века» – у Ивана Коневского, Валерия Брюсова, Александра Блока, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама; в литературе русской пореволюционной эмиграции – у Бориса Зайцева, Михаила Осоргина.

37 Вообще я считаю, что «российская идентичность», о которой так много спорят – это совокупность представлений о России ее национальных гениев. Плеяда русских гениев, которую я назвал, не оставляет сомнений: «Россия – это северная страна».

38 **В.Ш.:** Но ведь Россия – это не только русские и не только православные. Как быть, например, с российскими мусульманами? Ведь это очень значительная часть населения современной России. Если оперировать цифрами, то, несмотря на приблизительный характер данных, это более 14 млн. человек – около 10% граждан. Страницы истории России, где она «прирастала» мусульманством – это, в том числе, и драматические, даже трагические события, начиная от завоевания Кавказа в XVIII-XIX вв., до конфликта на Северном Кавказе в 1990-е гг. Согласно знаменитому утверждению французского историка Эрнеста Ренана, способность быть нацией – это, помимо прочего, искусство совместного забвения; не сомневаюсь, что в отношении цивилизации это также справедливо, а может быть, и более, учитывая сложность и продолжительность развития этой целостности. В свете этого, на Ваш взгляд, согласятся ли российские мусульмане на концепцию «Россия как Север»?

39 **А.К.:** Уверен, что да. Российский ислам – это северный ислам. Мы давно и хорошо изучили, что православие в России – это движение восточного христианства из региона Восточного Средиземноморья на Север – сначала в Киев; потом (начиная, например, с Андрея Боголюбского) – еще севернее, во Владимиро-суздальскую землю; а потом вообще на дальний север, в «северную Пальмиру» – в Санкт-Петербург.²³

40 Но ведь аналогичное «движение на Север» характерно и для российского ислама. Возьмем, например, Волжскую Булгарию, мусульманское ханство, существовавшее в X–XIII вв. в Среднем Поволжье и бассейне Камы. Недавно, на традиционной встрече президента России с лидерами религиозных конфессий председатель Духовного управления мусульман,

друг нашего Института, Равиль Гайнутдин попросил Владимира Путина оказать поддержку в проведении в 2022 г. празднования 1100-летия принятия ислама в Волжской Булгарии. Президент, как мне показалось, был несколько озадачен, но пообещал рассмотреть этот вопрос, поскольку «время до 2022 года еще есть».

41 А что, собственно, произошло почти 1100 лет назад? В 922 г. болгарский князь Алмуш в поисках военной поддержки против хазар, правители которых исповедовали иудаизм, пригласил посольство из Багдада и официально объявил ислам ханафитского толка в качестве государственной религии, принял титул эмира. В 922 г. Волжскую Болгарию посещает посольство Багдадского халифата от аббасидского халифа Ал-Муктадира.

42 У Волжской Булгарии были, как мы знаем, сложные отношения с Киевской Русью: князь Святослав Игоревич ходил на нее войной. Да и потом бывало всякое. Но уже в начале второго тысячелетия между Русью и Волжской Булгарией были заключены торговые договоры: болгарские купцы могли свободно торговать на Волге и Оке, а купцы Руси – в Булгарии. Пала Волжская Булгария в 1236 г. под ударами монголов. Подобная судьба ожидала потом и Русь. Почему бы не отметить в 2022 г. нашу общую «северянскую» дату?

43 Кстати, тенденция к продвижению российского ислама на север активно продолжается и сегодня. Молодые мусульмане из перенаселенного Кавказа, например, едут, в поисках достойного заработка, в малонаселенные районы нефте- и газодобычи. Интеграция «российского северянства» продолжается.

44 **В.Ш.:** По крайней мере, все эти «северяне» говорят на одном – русском – языке. А мало ведь настолько гибких, творческих, подвижных механизмов – или все-таки организмов? – как язык, тем более – русский, о котором кто только и в какие только эпохи не беспокоился. «Шишковисты» боролись за его чистоту (вернее, за тот образ чистоты, который был свойственен именно им) с «карамзинистами», вышеупомянутый П.Б.Струве обрушивался с критикой на «очистителей и засорителей» русского языка уже в 1920-е гг. в Париже (ярко и живо критикует его статью в газете «Возрождение» еще один выдающийся деятель русской эмиграции, Георгий Адамович²⁴), да и современное российское общество то и дело бурлит по поводу мнимых «издевательств» над речью. Самому же русскому языку все эти баталии, как представляется, нипочем: он по-прежнему имеет характер трансграничный, межнациональный, и в этом качестве преодолевает сиюминутные соображения политической конъюнктуры.

45 **А.К.:** Общий язык – великий интегратор. В свое время, русская пореволюционная эмиграция, очутившись на Западе и полагая себя, а не большевиков, единственной наследницей культуры традиционной России, начала отмечать дни рождения главного национального гения – Александра Сергеевича Пушкина. Но Сталин хорошо разбирался и в «вопросах языкознания», и в «цивилизационных» вопросах: он сделал Пушкина главным... советским поэтом. В конечном счете, Александр Сергеевич объединил две России: оставшуюся и уехавшую. Почему бы ему не выполнить функцию нашего главного интегратора в очередной раз?

46 Тем более, сам Пушкин думал об этом. Незадолго до гибели, он написал «в стол» («не требуя венца») строчки, найденные потом в его бумагах Жуковским:

47 Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

48 В чем-то Пушкин, как мы знаем, ошибся. Финны, например, сделали свой цивилизационный выбор: в школах у них учат не Пушкина, а Лёнрота, Рунеберга, Киви, Лейно... И, дай Бог финнам здоровья!

49 А вот тем, кто собирается жить в России и строить новую Россию, надо учить и учиться понимать Пушкина. Лучшего русского языка у нас, россиян, нет и не будет.

Remarks:

1. *Чаадаев П.Я.* Философические письма / Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 49-50
2. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А.Бердяев. - М.: Наука, 1990. С.7
3. Из последних работ см.: *Кара-Мурза А.А.* Российский путь цивилизационного развития: «преемственность через катастрофы» // Полилог, 2020, т. 4, № 4. С. 1.
4. Несостоявшиеся альтернативы политической истории России, как фактор политического сознания. Круглый стол журнала «Полилог/Polylogos» (Кара-Мурза А.А., Жукова О.А., Шарова В.Л., Локтионов М.В., Омелаенко В.В.) // Полилог, 2019, т. 3, № 3. С. 8.
5. *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции (2-е изд.). М.: изд-во Ольги Морозовой, 2016. С. 25-45.
6. *Вейдле В.В.* Три России / Вейдле В. Задача России. Минск: Изд-во Белорусской православной церкви, 2011. С. 24
7. Подробнее см.: *Шарова В.Л.* Россия как Европа: европейские основы цивилизационной идентичности России // Философская мысль. 2017. №2. С.71-83
8. *Вейдле В.В.* Три России / Вейдле В. Задача России. Минск: Изд-во Белорусской православной церкви, 2011. С. 24
9. *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. М.: Фора, 1994. – 320 с.
10. *Данилевский Н.Н.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 112
11. *Струве П.* Два национализма // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. С. 228.
12. *Бунаков И.* Пути освобождения // Новый град, Париж, 1931, № 1. С. 36.
13. *Петров Г.И.* Отлучение Льва Толстого от церкви. М.: Знание, 1978. С. 42.
14. *Беньямин В.* Московский дневник. М.: Ad Marginem, 1997. С. 43.
15. *Бердяев Н.А.* Духовные основы русской революции // Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Париж: ИМКА-пресс, 1990. Т. 4. С. 29.
16. *Бердяев Н.А.* Торжество и крушение народничества // Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 4. С. 185.
17. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: ИМКА-пресс, 1955. С. 138.
18. *Чернов В.* Конструктивный социализм. Прага: Воля России, 1925. С. 191.
19. *Федотов Г.П.* Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992, т.2. С. 186.
20. *Степун Ф.* Мысли о России // Современные записки, Париж, 1927., № 33. С. 348.
21. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: ИМКА-пресс, 1955. С.7
22. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. Т. VII. СПб., 1882. С. 73.
23. См. об этом: *Жукова О.А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие, 2017. – 624 с.
24. *Адамович Г.В.* П.Б.Струве о языке [Электронный ресурс] URL: [>>>>](http://rulibs.com/ru_zar/nonf_criticism/adamovich/0/j89.html)

References:

1. Adamovich G.V. P.B.Struve o yazyke [Elektronnyj resurs] URL: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_criticism/adamovich/0/j89.html
2. Ben'yamin V. Moskovskij dnevnik. M.: Ad Marginem, 1997. 264 s.
3. Berdyaev N.A. Duhovnye osnovy russkoj revolyucii // Berdyaev N.A. Sobranie sochinenij.

Parizh: IMKA-press, 1990. T. 4. S. 2937.

4. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Parizh: Imka-press, 1955. 158 s.

5. Berdyaev N.A. Torzhestvo i krushenie narodnichestva // Berdyaev N.A. Sobranie sochinenij. Parizh: IMKA-press, 1990, t. 4. S. 181188.

6. Bunakov I. Puti osvobozhdeniya // Novyj grad, Parizh, 1931, ¹ 1. S. 3148.

7. Vejdle V.V. Tri Rossii / Vejdle V. Zadacha Rossii. N'yu-Jork: Izd-vo im. CHEkhova, 1956. 230 s.

8. Vyazemskij P.A. Polnoe sobranie sochinenij. T. VII. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1882.

9. Danilevskij N.N. Rossiya i Evropa. M.: Kniga, 1991. 573 s.

10. ZHukova O.A. Filosofiya russkoj kul'tury. Metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii. M.: Soglasie, 2017. 624 s.

11. Kara-Murza A.A. Znamenitye russkie o Florencii (2-e izd.). M.: izd-vo Ol'gi Morozovoj, 2016. 640 s.

12. Kara-Murza A.A. Rossijskij put' civilizacionnogo razvitiya: «preemstvennost' cherez katastrofy» // Polilog, 2020, t. 4, ¹ 4. S. 1.

13. Kara-Murza A.A., Polyakov L.V. Reformator. Russkie o Petre I. Opyt analiticheskoi antologii. M.: Fora, 1994. 320 s.

14. Nesostoyavshiesya al'ternativy politicheskoi istorii Rossii, kak faktor politicheskogo soznaniya. Kruglyj stol zhurnala «Polilog/Polylogos» (Kara-Murza A.A., ZHukova O.A., SHarova V.L., Loktionov M.V., Omelaenko V.V.) // Polilog, 2019, t. 3, ¹ 3. S. 8.

15. Petrov G.I. Otluchenie L'va Tolstogo ot cerkvi. M.: Znanie, 1978. 112 s.

16. Stepun F. Mysli o Rossii // Sovremennye zapiski, Parizh, 1927., ¹ 33. S. 348.

17. Struve P.B. Dva nacionalizma // Naciya i imperiya v russkoj mysli nachala HKH veka. M.: Skimen', 2004. 351 s

18. Fedotov G.P. Pis'ma o russkoj kul'ture // Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii. SPb., 1992, t.2. S. 186.

19. CHaadaev P.YA. Filosoficheskie pis'ma / CHaadaev P.YA. Stat'i i pis'ma. M.: Sovremennik, 1989. 622 s.

20. CHernov V. Konstruktivnyj socializm. Praga: Volya Rossii, 1925. 401 s. 191

21. SHarova V.L. Rossiya kak Evropa: evropejskie osnovy civilizacionnoj identichnosti Rossii // Filosofskaya mysl'. 2017. ¹2. S.71-83

«Новая российская цивилизация будет цивилизацией Пушкина» (к вопросу о «цивилизационном выборе»)

Кара-Мурза Алексей Алексеевич

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Шарова Вероника Леонтьевна

Институт философии РАН,

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье анализируется проблема «цивилизационного выбора» применительно к российской истории и общественно-политической современности. В формате философского диалога авторы обращаются к темам обретения цивилизационного пути и альтернативных цивилизационных возможностей, соотношения детерминант истории и свободной воли человека в историческом процессе. В контексте идеи «цивилизационного выбора» в статье проанализирован ряд аспектов дискуссии о реформах Петра I. В частности, утверждается, что эпоха петровских реформ была «инобытием» православной цивилизации и продемонстрировала срабатывание механизмов цивилизационной преемственности. Дихотомия притяжения «востока – запада» в отношении российской цивилизации критикуется с позиций апологии «русского северянства»: некогда популярной концепции российской идентичности, представляющейся продуктивной и в контексте современности. Авторы приходят к выводу, что на нынешнем этапе исторического развития российского общества наиболее эффективным связующим звеном может быть русский язык – в этом смысле результатом возрождения российской цивилизации станет «цивилизация Пушкина».

Ключевые слова: философия истории, Россия, российская цивилизация, цивилизационный выбор, русский язык, «русское северянство», А.С.Пушкин

Дата публикации: 12.03.2021

Ссылка для цитирования:

Кара-Мурза А. А. , Шарова В. Л. «Новая российская цивилизация будет цивилизацией Пушкина» (к вопросу о «цивилизационном выборе») // Полилог/Polylogos. – 2021. – Т. 5. – № 1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110014153-0-1/> DOI: 10.18254/S258770110014153-0